

Лоуренс Бергрин

ПИРАТ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Как Фрэнсис Дрейк помог Елизавете I
создать Британскую империю

Лоуренс Бергрин
**Пират ее величества. Как
Фрэнсис Дрейк помог
Елизавете I создать
Британскую империю**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69607618

*Лоуренс Бергрин. Пират ее величества: Как Фрэнсис Дрейк помог
Елизавете I создать Британскую империю: КоЛибри, Азбука-Аттикус;*

Москва; 2023

ISBN 978-5-389-23925-8

Аннотация

Первое в своем роде полномасштабное исследование партнерства одного из самых великих пиратов и королевы Елизаветы – уникального сотрудничества мореплавателя и монарха, которое привело к образованию Британской империи. В своей работе прославленный историк-биограф, автор научно-популярных книг о Магеллане и Колумбе Лоуренс Бергрин опирается на множество источников, в основном современных описываемым событиям. Рассказ о ключевых путешествиях Фрэнсиса Дрейка в контексте решающего поворота в британской

истории становится глубже и объемнее в сопровождении цветных и черно-белых иллюстраций и карт.

«Многие были уверены, что Испания во главе с методичным Филиппом II вскоре вторгнется в Англию и вернет страну в объятия Ватикана. Многие жители Англии приветствовали бы такое развитие событий, но стратегия Елизаветы и дерзость Дрейка воспрепятствовали этому весьма вероятному исходу и направили Англию, остальную Европу и в конечном итоге большую часть мира по другому пути. Именно тогда Англия, почти незаметная в тени Испании и Португалии, стряхнула с себя власть католичества, а Дрейк стал катализатором великого превращения Англии из островного государства в Британскую империю. Все, чего Дрейк добился плаваниями и особенно пиратскими набегами, он делал во имя Елизаветы...» *(Лоуренс Бергрин)*

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Главные герои	9
Замечание о датах	15
I. Пират	16
1	17
2	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лоуренс Бергрин
Пират ее величества: Как
Фрэнсис Дрейк помог
Елизавете I создать
Британскую империю

Laurence Bergreen

IN SEARCH

OF A KINGDOM

Francis Drake, Elizabeth I, and the Perilous Birth of the
British Empire

Laurence Bergreen IN SEARCH OF A KINGDOM

Francis Drake, Elizabeth I, and the Perilous Birth of the
British Empire Опубликовано с согласия Writers House LLC
и Synopsis Literary Agency

© Laurence Bergreen, 2001 © Jeffrey L. Ward, maps, 2001

© Степанова В. В., перевод на русский язык, 2023 © Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

Известный биограф описывает необычную жизнь и приключения сэра Фрэнсиса Дрейка, чья бурная деятельность в эпоху правления королевы Елизаветы I изменила ход истории.

The Wall Street Journal

Наполненная драматичными событиями история пирата и впоследствии вице-адмирала Дрейка и его взаимоотношений с королевой Елизаветой, которые сыграли огромную роль в становлении Британской империи.

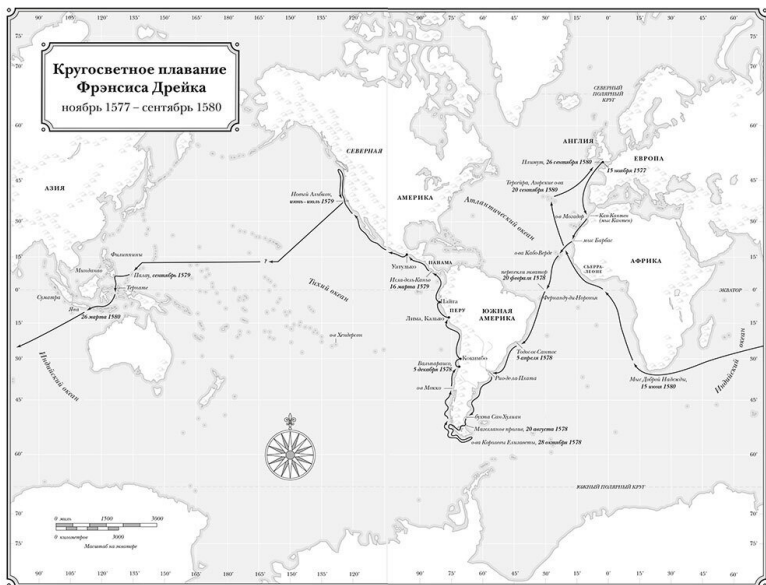
New York Times Book Review

Лоуренс Бергрин – биограф, историк и исследователь. Закончил Гарвард-колледж. Преподавал в университете «Новая школа» (Нью-Йорк) и Институте Кеньон (Иерусалим). Писал статьи для *The New York Times*, *Los Angeles Times*, *The Wall Street Journal*, *Chicago Tribune*, *Newsweek* и *Esquire*. Был одним из судей *National Book Awards*. Читает лекции в университетах мира (Гарвардский, Принстонский в США, а также в нескольких учебных заведениях Бразилии, Португалии и Испании), участвует в симпозиумах. Научный консультант *The History Channel*, автор более 10 научно-популярных книг.

* * *

Посвящается Жаклин

* * *

**Маршрут испанской
Непобедимой
армады,
май – сентябрь 1588**

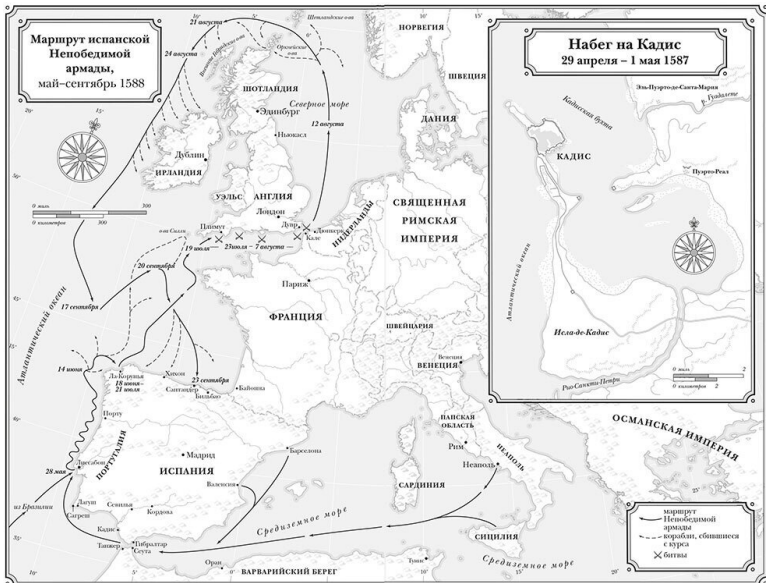
0 миль
0 километров 300

**Набег на Кадис
29 апреля – 1 мая 1587**

0 миль
0 километров 2

— маршрут
Непобедимой
армады
- - - - - корабли, собиравшиеся
к высту
X битвы

Главные герои

Англия

Уильям Берроуз (1536–1599). Командующий флотом. В 1583 г. повесил десять капитанов пиратских кораблей. Вице-адмирал флота во время набега Фрэнсиса Дрейка на Кадис в 1587 г. Отправлен под суд по обвинению в мятеже, но оправдан.

Питер Кардер. Сбежавший юнга, утверждавший, что прошел из конца в конец всю Бразилию, прежде чем смог вернуться с попутным кораблем в Англию.

Уильям Сесил, барон Берли (1520–1598). Главный министр королевы Елизаветы. В 1572 г. назначен лорд-казначеем. В 1589 г. умер в своем лондонском доме.

Роберт Сесил, сын Уильяма. После смерти отца унаследовал место первого советника при королеве.

Джон Ди (1527–1608). Математик, астроном, астролог, алхимик. Влиятельный советник королевы Елизаветы. Сформулировал понятие Британской империи.

Роберт Деверо, 2-й граф Эссекс (1565–1601). Скрашивал своим обществом поздние годы королевы Елизаветы, впоследствии выступил против нее и был казнен.

Томас Даути. Дворянин, мятежник, приговорен к смерти Дрейком.

Сэр Фрэнсис Дрейк (1540–1596). Старший из 12 сыновей

Эдмунда Дрейка. Дальний кузен сэра Джона Хокинса, вместе с ним торговал рабами на Карибских островах. В 1577–1580 гг. осуществил первое успешное кругосветное плавание. Вице-адмирал английского флота в сражении с испанской Непобедимой армадой. Умер от дизентерии в Вест-Индии, похоронен в море недалеко от Портобело в Панаме 27 января 1596 г.

Джон Дрейк. Племянник Фрэнсиса Дрейка.

Роберт Дадли, граф Лестер (1532–1588). Пятый сын Джона Дадли, казненного герцога Нортумберлендского. Подозревался в убийстве своей первой жены Эми Робсарт.

Елизавета I (1533–1603). Дочь Генриха VIII и Анны Бoleyn, его второй жены.

Сэр Уильям Фицуильям (1526–1599). Лорд-депутат Ирландии. Приказал казнить испанских солдат с кораблей Армады, потерпевших крушение у берегов Ирландии 22 сентября 1588 г.

Фрэнсис Флетчер. Корабельный капеллан Дрейка, вел путевой дневник, который лег в основу книги «Кругосветное плавание сэра Фрэнсиса Дрейка».

Сэр Мартин Фробишер (1539–1595). Мореплаватель. Совершил три путешествия в Новый Свет. Командовал «Триумфом» в битве с испанской Непобедимой армадой. Умер в Плимуте.

Сэр Джон Хокинс (1532–1595). Капер, работороговец, наставник Дрейка. Казначей военно-морского флота. Коман-

довал «Викторией» в битве с испанской Непобедимой армией. Получил рыцарское звание. Умер близ Пуэрто-Рико во время совместного похода с Дрейком.

Чарльз Говард, второй барон Эффингем (1536–1624). Старший сын Уильяма Говарда. В 1585 г. назначен лорд-адмиралом Англии. В 1588 году возглавил английский флот в битве против испанской Армады. Участвовал в сражении при Гравелине.

Мария I (1516–1558). Единственный выживший ребенок Генриха VIII и Екатерины Арагонской, его первой жены. В 1554 году вышла замуж за короля Испании Филиппа. Умерла в Лондоне, бездетной.

Мэри Ньюман (бр. 1569, ум. 1581). Первая жена Фрэнсиса Дрейка.

Сэр Джон Норрейс (1547–1597). Военачальник, участвовавший в печально известной резне шотландцев на острове Ратлин. Произведен в рыцари графом Лестером. В 1589 г. вместе с Дрейком совершил провальную попытку военным путем посадить на португальский престол неудачливого дона Антонио.

Джон Оксенхэм. Первый мореплавателю не испанского происхождения, пересекший Панамский перешеек (1575). Сражался с Дрейком против испанцев в двух ранних кампаниях в Центральной Америке, захвачен испанцами в 1578 г., казнен в Лиме 30 сентября 1580 г.

Фрэнсис Претти. Оруженосец Дрейка.

Элизабет Сиденхэм (1540–1596). Вторая жена Фрэнсиса Дрейка.

Сэр Фрэнсис Уолсингем (1532–1590). Главный шпион и министр королевы Елизаветы. Произведен в рыцари в 1577 г. Умер в Лондоне, оставив массу долгов.

Сэр Уильям Винтер (ум. 1589). Ревизор королевского флота. Командовал «Авангардом» в битве с испанской Непобедимой армадой.

Шотландия

Яков VI Шотландский (1566–1625). Сын Марии Стюарт. Преемник королевы Елизаветы.

Мария Стюарт, королева Шотландии (1542–1587). Единственный выживший законный ребенок Якова V Шотландского, умершего через шесть дней после ее рождения. Потенциальная наследница английской короны, так как ее матерью была старшая сестра Генриха VIII, Маргарита. Бежала из Шотландии в 1568 г. По распоряжению Елизаветы I провела 19 лет в заточении, а затем была казнена.

Испания

Сан-Хуан де Антон. Капитан «Какафуэго», захваченного Дрейком у побережья Бразилии.

Гомес Суарес де Фигероа, 5-й граф Фериа (1520–1571). Герцог Фериа, как его позже стали называть, служил представителем Филиппа в Англии в 1557–1559 гг.

Бернардино де Мендоса (1540–1604). Испанский посол и шпион в Лондоне в 1578–1584 гг.

Алонсо Перес де Гусман и де Суньига-и-Сотомайор, 7-й герцог Медина-Сидония (1550–1615). Главнокомандующий испанской Непобедимой армадой, которая должна была атаковать южное побережье Англии в 1588 г.

Алессандро Фарнезе, герцог Пармский (1545–1592). Сын сводной сестры короля Филиппа. Сорвал запланированную встречу с войсками герцога Медина-Сидония во время сражения испанской Непобедимой армады с англичанами.

Филипп II Испанский по прозвищу Благоразумный (1527–1598). Взошел на престол после того, как его отец Карл V, император Священной Римской империи, отрекся от престола в 1556 г. В разное время Филипп II был королем Испании, Португалии, Неаполя и Сицилии, Англии и Ирландии. Умер во дворце Эль-Эскориал.

Ватикан

Григорий XIII (1502–1585). Папа римский в 1572–1585 гг. Реформатор, пытавшийся остановить распространение протестантизма. Основал новые учебные заведения для священнослужителей. Отпраздновал избиение протестантов-гугенотов в Париже в 1572 г. торжественной мессой в Риме.

Пий V (1504–1572). Папа римский в 1566–1572 гг. 25 февраля 1570 г. отлучил от церкви Елизавету I.

Сикст V (1520–1590). Папа римский в 1585–1590 гг. Несмотря на симпатию к Елизавете, продлил ее отлучение от церкви и пообещал выделить Филиппу II щедрую сумму после того, как испанская Непобедимая армада высадится в Англии.

Замечание о датах

Из соображений последовательности я указываю даты всех событий во всех местах по современному григорианскому календарю.

В 1582 г. папа Григорий XIII заменил юлианский календарь, действовавший с 45 г. до н. э., новым календарем, чтобы устранить накопившиеся с течением времени ошибки. Григорианский календарь вычеркивал лишние 10 дней, поэтому в католических странах, таких как Испания, 5 октября 1582 г. превратилось в 15 октября. Но протестантские страны продолжали жить по традиционному юлианскому календарю, некоторые вплоть до XX в. Англия перешла на григорианский календарь в 1752 г.

Изменения привели к некоторой путанице. Например, в старых записях говорится, что Фрэнсис Дрейк отправился из Плимута в кругосветное плавание 23 декабря. Согласно нашему современному календарю это произошло 13 декабря.

Виверна, или двуногий дракон – геральдический символ Фрэнсиса Дрейка

(© *The Rare Book & Manuscript Library, University of Illinois at Urbana-Champaign*)'

I. Пират

1

Остров и империя

Утром 13 декабря 1577 г. Фрэнсис Дрейк, пират и бывший работорговец, приказал своему небольшому флоту, стоявшему в английском городе Плимуте, сняться с якоря. Выкрашенные в яркие цвета корабли с раздутыми ветром парусами и громогласно перекликающимися матросами на палубах резко контрастировали с блеклым окружающим пейзажем.

Плимут располагался в 190 милях к юго-западу от Лондона в окружении двух впадающих в залив Плимут-Саунд древних рек Плим и Теймар (последняя образует границу с соседним графством Корнуолл). Это был тихий городок на сельскохозяйственных землях полуострова, вдающегося в залив. Дрейк, родом из соседнего Девоншира, сделал Плимут своим опорным пунктом. Хорошо известный своим удобством порт служил узловым центром английской работорговли. Это было не самое добропорядочное место. Народные предания гласили, что в Девоне водятся ведьмы и сам дьявол.

Куда направлялся флот Дрейка, было неизвестно, но, если его честолюбивым планам суждено было увенчаться успехом, они не вернулись бы домой ни к этому Рождеству, ни даже к следующему. Многие на борту имели в этом путе-

шествии финансовый интерес и рассчитывали вернуться обратно с солидным состоянием. Впрочем, ровно с той же вероятностью они могли никогда больше не увидеть Плимут. Несколько недель назад над головами людей пролетела Великая комета 1577 г. – во всей Европе это было воспринято как знак, предзнаменование или предупреждение о грядущих грандиозных событиях. Кометы, эти таинственные фосфоресцирующие вестники из дальних пределов космоса, возвещали начало новой эры. Об истинной цели экспедиции, которая на самом деле отправилась в кругосветное путешествие, знали только два наиболее влиятельных человека того времени – сам Фрэнсис Дрейк и королева Елизавета I. В случае успеха Дрейк должен был занять место в истории как первый капитан, который провел свой флот вокруг земного шара и вернулся живым. Для Елизаветы эта экспедиция бросала вызов сложившемуся мировому порядку, в котором господствовала Испания, а Англия оставалась второстепенным островным королевством. Оба надеялись, что путешествие сделает их богатыми. Но до поры до времени Дрейк и Елизавета I держали свои смелые замыслы при себе, и в документах экспедиции эти планы не нашли никакого отражения.

Дрейк позволил команде думать, что они собираются совершить набег на побережье Панамы в поисках золота или возьмут курс на Александрию в Египте, чтобы добыть коринфского изюма. И то и другое могло принести прибыль,

хотя казалось не слишком захватывающим делом. Если бы команда знала об истинных намерениях Дрейка, люди наверняка разбежались бы при первой же возможности. «В те дни Проливы считались столь жутким местом, что сама мысль о попытке пройти через них вселяла ужас», – заметил один комментатор. Предательский переход между Атлантическим и Тихим океанами был лишь первым и самым очевидным из множества препятствий, ожидавших команду в кругосветном плавании. Хранить тайну было необходимо, особенно от тех людей, которым предстояло выполнить задачу.

Стоявший за этим путешествием синдикат поручил Дрейку пересечь Атлантику, обогнуть южную оконечность Южной Америки и исследовать западное побережье этого континента, по дороге стараясь добыть (в частности, отнять у испанцев) как можно больше золота, серебра и прочих ценностей. Кроме того, Дрейку негласно поручили выгнать испанцев из этих богатых полезными ископаемыми регионов. О кругосветном плавании не сказали ни слова – эту инициативу Дрейк проявил самостоятельно, и его путешествию предстояло изменить Англию.

Если Фрэнсис Дрейк когда-нибудь и сомневался в себе, он не оставил об этом никаких записей. Он с уважением относился к неистовству природы, но не боялся его. За свою жизнь Дрейк побывал на самых разных судах и совершенно свободно чувствовал себя на любом из них, от пинаса (от-

крытой гребной шлюпки) до флагманского корабля. На суше и на море он вел себя одинаково властно и одинаково быстро реагировал на смену обстоятельств. Как добропорядочный англичанин, он, естественно, уважал королеву и ее придворных (почти все они принадлежали к старой знати и не представляли для него никакого интереса), но не испытывал перед ними особенного благоговения. Почтительность явно не относилась к числу его врожденных качеств.

По большому счету, он уважал в этом мире только одну силу – Высшее Существо. Его отец Эдмунд Дрейк на склоне лет начал проповедовать, и от него Дрейк унаследовал привычку придерживаться в вопросах веры абсолютных понятий. Матрос, нанимавшийся на корабль к Дрейку, понимал, что ему придется петь псалмы и читать молитвы при любой возможности, иногда даже несколько раз в день. Дрейк приказывал команде петь псалмы перед битвами и читать благодарственные молитвы после победы. При необходимости он сам совершал погребение по христианскому (в его случае по протестантскому) обряду. Римские католические обряды приводили Дрейка в бешенство, хотя в те времена протестантские и католические церемонии были гораздо больше похожи друг на друга, чем сейчас. По сравнению с представителями высшей знати он мог казаться неотесанным, но он не уступал никому в своей вере в королеву и страну и в своем презрении к ее врагам, особенно к Испании. Его моральный компас был прост, но надежен, и не раз выводил его из

рискованных ситуаций, как реальных, так и воображаемых.

Дрейк был отважным и решительным человеком. Невысокого роста (максимум 175 см, скорее ближе к 170) и коренастый, он обладал типичной для уроженца Корнуолла любовью к живописи и рисунку. В своих путешествиях он постоянно делал зарисовки, чтобы лучше понять творения Господа.

Там, где другие видели мир в приглушенных тонах, Дрейк видел его в полном спектре. Одни пираты были равнодушны к женщинам, другие к поединкам и кровопролитию – Дрейк питал страсть к золоту и охотился за ним, даже когда нагребил столько, что хватило бы на несколько жизней. Страсть к грабежу глубоко укоренилась в его душе. Он был своего рода стервятником-собирателем. Все на свете – по крайней мере всё, что блестело, – принадлежало (или могло принадлежать) ему. Он спешил жить, стремясь за отпущенные ему годы успеть увидеть весь мир целиком. Как все жители елизаветинской Англии, он хорошо понимал, какой короткой может быть жизнь. Людей преследовали чума, войны и болезни, а плавание к неизведанным берегам подразумевало и множество других опасностей. Тем не менее население Англии неуклонно росло: за время долгого правления Елизаветы I его численность увеличилась до двух, трех, а затем и четырех миллионов. Ее подданные боролись за ресурсы и территории, и Дрейк не был исключением. Разница заключалась в том, что в его распоряжении находились корабли

и, что не менее важно, высочайшее разрешение сеять хаос именем королевы, которым он при случае охотно пользовался. Дрейк мог добиться славы и богатства и даже построить империю – с его дерзостью и отвагой это было почти неизбежно.

В синдикат, спонсировавший экспедицию Дрейка 1577 г., входили многие видные деятели Елизаветинской эпохи: Роберт Дадли, Кристофер Хаттон, лорд-адмирал граф Линкольн, Джон Хокинс и его брат Джордж. Сам Дрейк вложил 1000 фунтов стерлингов, вырученных от предыдущих набегов на испанские корабли и аванпосты. Елизавета I, как позднее утверждал Дрейк, тоже внесла 1000 фунтов стерлингов, хотя никаких записей об этом не существует (очевидно, королева предпочитала не афишировать свое участие в предприятии). Уильям Винтер, ревизор королевского флота, добавил 750 фунтов стерлингов. Его брат Джордж, чиновник адмиралтейства, внес еще 500 фунтов стерлингов. Единственный экземпляр списка вкладчиков был частично уничтожен огнем, поэтому остальные имена нам неизвестны. Хотя королева не давала экспедиции официального благословения, ее очевидное участие в синдикате Дрейка свидетельствовало, что тот действует с ее согласия, что было почти так же хорошо. В этом смысле желание Дрейка отомстить испанцам и зарождающаяся потребность королевы Елизаветы в империи совпадали.

Флот англичан возглавлял 121-футовый флагман Дрейка «Пеликан», галеон (многопалубное судно), построенный по заказу и с учетом пожеланий Дрейка два года назад на верфях Плимута. Его ширина составляла около 6 м, киль – от 14 до 18 м, длина – от 20 до 25 м (данные расходятся), а глубина трюма около 2,7 м. Это было довольно крупное, но далеко не потрясающее своими размерами судно – вероятно, максимум, который Дрейку удалось построить на средства, добытые в пиратских набегах. Изначально он из личной прихоти назвал корабль «Фрэнсис», но Елизавета предпочла переименовать его в «Пеликан» в честь одного из своих личных символов. В средневековом аллегорическом bestiarii пеликан служил символом Христа, израненного грехами человечества. Парящий над морем пеликан с раскрытой грудью и широко распростертыми крыльями напоминал образ Христа на кресте. И если «Пеликан» лишь опосредованно намекал на причастность Елизаветы к экспедиции, то имя вице-адмиральского корабля – «Элизабет» – сообщало об этом уже более определенно. «Элизабет», хотя и меньше размером, чем «Пеликан», производило более сильное впечатление – 80-тонное судно, на постройку которого пошло дерево из личных запасов королевы, с 11 чугунными пушками.

Кроме этого в экспедиции участвовали барк «Мериголд», флибот «Лебедь» и два пинаса «Бенедикт» и «Христофор», последний из которых принадлежал Дрейку. (Пинасами зва-

ли легкие суда, наподобие баркаса, и точно так же на елизаветинском сленге называли проституток.) В командах числилось 164 человека – солдаты, старшие и младшие матросы, а также дюжина «джентльменов» («дворян»).

Капитан Дрейк не принадлежал к этому высокому сословию. Он, несомненно, был протестантом и хранил верность королеве, а многолетний опыт, приобретенный в компании Хокинса, и его смелые подвиги свидетельствовали о мужестве, находчивости и мастерстве мореплавателя. И выстроившиеся перед ним корабли могли стать средством достижения его честолюбивых целей.

Их запас продовольствия был по меркам того времени весьма обильным: галеты, солонина из говядины и свинины, измельченная сушеная говядина, сушеная треска, уксус, оливковое масло, сушеный горох, сливочное масло, сыр, овсянка, соль, специи, горчица и изюм. Почти все продукты обеспечил давний поставщик Дрейка ирландец Джеймс Сидэй. В походах моряки жестоко страдали от цинги – потери коллагена, одного из важных строительных блоков организма. О том, что бороться с цингой помогает аскорбиновая кислота, или витамин С, который содержится в citrusовых, овощах и пиве, стало широко известно лишь в 1912 г., но даже во времена Дрейка английские капитаны использовали как лекарство от цинги апельсины и лимоны, хотя не до конца понимали, почему это работает.

Как известно, английские моряки в больших количествах

употребляли эль и вино, но в документах экспедиции Дрейка нет никаких упоминаний о запасах алкоголя. Однако в них перечислено множество предметов, которые Дрейк вез с собой для обмена и торговли: ножи и кинжалы, булавки, иглы, седла, удила и поводья, бумага, цветные ленты, зеркала, игральные карты и кости, а также льняное полотно. Корабельные плотники позаботились о необходимых запасах канифоли, дегтя и смолы, шпагате, иглах, крючьях и планках. Кроме того, команде требовались пики, арбалеты, мушкеты, порох и дробь. Сам Дрейк питал слабость к предметам роскоши: среди его личных вещей были духи (вынужденная необходимость в эпоху всеобщего пренебрежения гигиеной) и серебряные блюда с золотой окантовкой и чеканкой в виде его личного герба.

Ориентироваться в пути Дрейк собирался полагаясь на португальскую карту земного шара, а также подробную карту Магелланова пролива. У него был с собой экземпляр знаменитого «Отчета о первом кругосветном путешествии» молодого венецианца Антонио Пигафетты, главного летописца Фернана Магеллана. Из этой книги Дрейк черпал сведения не только о навигации, но и о том, как вести себя в случае мятежа на корабле. Пигафетта отправился в плавание вместе с Магелланом, стоял по правую руку от капитан-генерала в роковой час в гавани Мактана, и ему посчастливилось оказаться среди тех немногих, кто вернулся из этого путешествия живым. Из его рассказа ясно, что путешествие давалось Ма-

геллану с большим трудом (так и не закончив его, он погиб на Филиппинах). Очевидно, попытка пересечь Атлантику, не говоря уже о том, чтобы обойти вокруг весь мир – необъятный, малопонятный и вечно меняющийся, – сопряжена с огромными опасностями и наверняка могла окончиться гибелью и забвением. Теми, кто решался на такую авантюру, вероятно, двигало безрассудство, бесстрашие или разбойные инстинкты. Им было нечего терять, но взамен они могли обрести ослепительную славу.

В то время появлялось все больше книг о Новом Свете, и Дрейк взял с собой несколько самых современных томов, в том числе *L'Art de naviguer*, изданную с интервалами в 1554/1573 гг., – французский перевод авторитетного произведения Педро де Медины *Arte de navegar*, первоначально опубликованного в восьми томах в Вальядолиде в 1545 г. и посвященного будущему королю Испании Филиппу II. Кроме того, в морской библиотеке Дрейка имелся труд Мартина Кортеса де Альбакара *Breve compendia*, опубликованный в Севилье и переведенный на английский язык в 1561 г. Эти богато иллюстрированные сочинения служили настольной книгой для многих капитанов. В них освещались такие технические вопросы, как магнитное склонение (угол между магнитным и истинным севером) и небесные полюса (воображаемые точки на небе, в которых ось Земли пересекает небесную сферу). С учетом этих параметров можно было определить положение корабля в открытом море. Кор-

тес описывал ноктурлабиум (ноктураль) – инструмент, позволявший штурману находить относительное расположение звезд на ночном небе и рассчитывать время приливов и отливов, что было важно для корабля при входе в порты. Помимо этого Дрейк взял с собой еще два стандартных справочника: «Морской регламент» Уильяма Борна (1574), представлявший собой перевод популярного сочинения Кортеса, и «Космографический телескоп» врача и астролога Уильяма Каннингема (1559).

На самом деле Дрейк не ожидал, что будет командовать экспедицией. Изначально ее должен был возглавить сэр Ричард Гренвилл, знатный мореплаватель из Девона, к тому времени успевший побыть членом парламента и попытаться счастья в качестве капера. В 1574 г. он предложил отправиться грабить испанские корабли, основать английские колонии в Южной Америке, пройти через Магелланов пролив и далее через Тихий океан к Островам пряностей (Молуккским). Дрейк в то время участвовал в подавлении кровавого восстания ирландцев и шотландцев, которое окончилось резней на острове Ратлин у побережья Ирландии. Тогда погибли сотни человек, а Дрейк, которому не заплатили за труды, предпочел забыть о случившемся. Гренвилл получил каперскую лицензию от английской короны, но позже ее отозвали, поскольку Англия не хотела провоцировать могущественного и нелюдимого испанского короля Филиппа II. В то

время в моде была дипломатия, а не конфликт. Роль, предназначавшаяся сэру Ричарду, отошла Дрейку (за что Гренвилл всю оставшуюся жизнь презирал рыжеволосого выскочку).

В мировой торговле и открытии новых земель испанцы решительно опережали англичан. В июле 1525 г., всего через три года после того, как потрепанная «Виктория» Магеллана вернулась в Севилью, Гарсиа Хофре де Лоайса отправился по приказу короля Карла исследовать Острова пряностей с флотом из семи кораблей и 450 человек. Среди них был и Хуан Себастьян Элькано, баскский мореплаватель, который сопровождал Магеллана и стал одним из немногих выживших в той экспедиции. Лоайсе поручили спасти потерянные корабли злополучной Молуккской армады Магеллана, но, увы, ему так и не удалось выполнить эту амбициозную задачу.

Пережив штормы и мятеж, в мае 1526 г. значительно уменьшившийся флот Лоайсы вошел в Магелланов пролив. Следующий этап – плавание через Тихий океан – оказался для него фатальным: корабли один за другим садились на мель. «Санта-Мария дель Парраль» добралась до побережья Сулавеси в Индонезии. Там почти все члены команды были убиты либо обращены в рабство, за исключением четырех спасшихся. Из семи кораблей, отправившихся в плавание, лишь один сумел достичь Островов пряностей. К тому времени и Лоайса, и Элькано умерли от цинги. Их тела завернули в парусину и сбросили в море. К концу путешествия

в живых оставалось 24 человека, все они вернулись в Испанию. Среди них был Ганс фон Аахен, бывший канонир Магеллана, который таким образом стал первым человеком, совершившим кругосветное плавание дважды.

Позднее, в 1533 г., Франсиско де Ульоа отправился исследовать Магелланов пролив из Вальдивии на южном берегу Чили (и стал первым европейцем, вошедшим в западное устье пролива). На половине пути он решил, что у него скоро закончится провизия, и повернул обратно. В ноябре 1557 г. Хуан Ладрильо первым прошел пролив в обоих направлениях. За ним последовали другие испанские исследователи.

Их успехи повысили ставки для Дрейка. Елизавете было жизненно важно установить английское – и протестантское – присутствие в Новом Свете, пока не стало слишком поздно. Но Дрейк не принадлежал к числу тех, кто легко впадает в тревогу и отчаяние. Огромные территории Центральной и Южной Америки были слишком велики, чтобы какая-то одна держава – даже Испания – могла полностью взять их под свой контроль. А испанский флот, хотя это пока еще не стало очевидно, был слишком рассредоточен и страдал отсутствием дисциплины и бездеятельностью.

Разношерстная команда Дрейка едва ли соответствовала тем честолюбивым задачам, которые он перед ней ставил. Только один из его людей, Уильям Коук, до этого побывал в Тихом океане, и то не как исследователь, а как пленник испанцев. Однако Дрейк постарался набрать в команду всех

специалистов, которые могли понадобиться в путешествии: кузнеца, бондарей, которые занимались ремонтом бочек, и плотников. Кроме того, Дрейк, большой любитель музыки, взял с собой на корабль несколько музыкантов, игравших на разных инструментах при сменах вахты и пении псалмов.

В экспедиции участвовало около дюжины «джентльменов», в их числе Томас Даути, дворянин, вложивший в это предприятие собственные средства, и его младший сводный брат Джон. Томас Даути, скорее всего, знал об истинных намерениях Дрейка, и, в силу своего статуса, вероятно, считал себя полноправным вторым командующим, что было опасным заблуждением. Возникшая в результате неопределенность нервировала Дрейка и сказывалась на состоянии команды до такой степени, что в определенный момент это стало угрожать плаванию.

Кроме того, в команду входили натуралист Лоуренс Элиот, специалист по ботанике, и несколько купцов, в том числе Джон Сараколд, член Почтенной компании драпировщиков, могущественной торговой ассоциации, основанной еще в 1180 г.

Фрэнсис Флетчер, священник англиканской церкви, отвечал за проведение религиозных обрядов. В его записях указано, что он учился в Пембрук-колледже в Кембридже, но не окончил его и некоторое время служил настоятелем прихода Святой Марии Магдалины в Лондоне. Среди участников экспедиции было крайне мало грамотных, поэтому Флетчеру

пришлось взять на себя обязанности летописца. Он вел подробные записки о путешествии, которые позднее были собраны воедино и опубликованы под названием «Кругосветное плавание сэра Фрэнсиса Дрейка». Он проявил себя как увлеченный очевидец, чуткий к настроениям команды, красноречивый, склонный к живописным сравнениям и абсолютно лояльный. Следуя примеру других капитанов, Дрейк взял с собой личного слугу, африканца Диего, сбежавшего из испанского плена. Он был, вероятно, единственным чернокожим членом команды. Они познакомились в 1572 г., когда Дрейк напал на испанский порт Номбре-де-Диос в Панаме. Диего, говоривший как по-испански, так и по-английски, оказался весьма полезен Дрейку и не только стал его личным слугой, но и получал жалованье, как все остальные нанятые на корабль матросы. В путешествие отправились родственники Дрейка: его младший брат Томас, его племянник Джон, всего пятнадцати лет от роду, и племянник кузена и наставника Дрейка, Джона Хокинса, ранее познакомившего того с грязным, опасным и прибыльным ремеслом работоторговца. За исключением Томаса Даути, который написал завещание 11 сентября 1577 г. незадолго до отъезда, и самого Дрейка, никто из команды, судя по всему, не осознавал, что они отправляются в самое амбициозное путешествие в истории английского флота. Даже сам Дрейк был не до конца уверен, куда его приведет эта затея. Он шел туда, куда его звала жажда золота и почестей.

Все это время за происходящим с беспокойством наблюдали испанские шпионы. Их опасения по поводу Англии и особенно Дрейка усиливались день ото дня. 20 сентября 1577 г. Антонио де Гуарас, испанский посол при дворе королевы Елизаветы, предупреждал: «Они осуществляют свои коварные планы весьма расчетливо, а потому есть подозрение, что пират Дрейк намеревается отправиться в Шотландию с некоторым количеством небольших судов, войти в удобный порт и попытаться схватить шотландского принца с тем, чтобы далее получить за него солидный выкуп, ради чего он и доставит его сюда под конвоем находящихся там кораблей королевы».

Невозмутимое поведение Дрейка не позволяло сделать никаких определенных выводов. Возможно, он планировал очередную авантюру и собирался отправиться туда, куда его понесут ветры судьбы, – через все Средиземное море к торговому порту в египетской Александрии, или вдоль побережья Африки, или через Атлантику. Как писал Фрэнсис Претти, оруженосец и личный охранник Дрейка: «15 ноября в год от Рождества Христова 1577 мастер Фрэнсис Дрейк с флотом из пяти кораблей и барков и с людьми числом 164 человека, джентльменами и матросами, вышел из Плимута, мимо направившись в Александрию». Именно тогда их планы нарушило первое из множества неожиданных происшествий. «Поднявшийся встречный ветер вынудил его на сле-

дующее утро отправиться в Фалмут-Хейвен в Корнуолле, где на нас обрушилась буря столь ужасная, подобную которой мало кто видел, и поистине такая свирепая, что все наши корабли едва не погибли. Но Господу было угодно уберечь нас от этой крайности и поразить нас в настоящем лишь следующими двумя обстоятельствами: на нашем флагмане “Пеликане” людям пришлось срубить и свалить за борт мачту, дабы спасти корабль, а “Мериголд”, изрядно побитую, бурей выбросило на берег. Для устранения этих повреждений мы снова вернулись в Плимут».

Дрейк несколько недель восстанавливал поврежденное судно, а затем наконец экспедиция «вышла во второй раз из Плимута и отплыла 13-го числа следующего декабря». Дни были короткими, а воздух холодным и влажным – направься они в Египет, их ждало бы солнце Александрии. Магеллан назвал свой флот Молуккской армадой, тем самым обозначив конечную цель его плавания; Дрейк во многом вдохновлялся примером Магеллана, но решил не давать своей флотилии никакого имени, оставляя себе пространство для маневра. Может быть, они поплывут в Александрию – а может быть, и нет. Чтобы быстро сколотить состояние, стоило отправиться в Бразилию. Если бы Дрейк смог добраться до побережья, избежав столкновения с испанскими солдатами, и вернулся с полным трюмом серебра и золота, королева наверняка сочла бы его путешествие успешным. Чего Дрейк точно не собирался делать, это гибнуть на далеких берегах,

как Магеллан, разрубленный на части и покрытый позором.

Большую часть сведений о Южной Америке Дрейк почерпнул из противоречивых записок флорентийского мореплавателя Америго Веспуччи, умершего в 1512 г. Веспуччи утверждал, что совершил не менее четырех плаваний к земле, которую он назвал Новым Светом, и написал несколько влиятельных писем о своих приключениях (авторство первого и четвертого писем оспаривается). Эти отчеты популяризовали его открытия в Западной Европе. Умелый пропагандист, Веспуччи живо нарисовал яркий портрет огромной земли под названием Бразилия (в честь *pau brasil*, цветущего дерева, которое в те времена произрастало там в изобилии). Он рассказывал о том, как обнаженные местные жители выбегали к кромке воды, чтобы приветствовать прибывших европейцев (полностью одетых). По его словам, сначала общение было осторожным и происходило в основном на языке жестов. Наладить контакт помог обмен подарками, подтвердивший мирные намерения гостей. Жители Бразилии «все... были отличными пловцами. Они нам доверяли, как если бы были давно с нами знакомы»¹. Эта способность произвела на европейцев большое впечатление, ведь многие из них, даже моряки, совсем не умели плавать. Женщины держались в воде даже увереннее, чем мужчины, – «мы много раз видели, как они проплывали в море две лиги без вся-

---

¹ Здесь и далее цит. по: Письма Америго Веспуччи. Пер. М. Н. Цетлина.

кой опоры и отдыха». У них было достаточно оружия, закаленного на огне, – «копья, а также дубины с красиво вырезанными шишками на конце», с помощью которых они сражались «против людей, говорящих на ином языке. Они не сохраняют жизни никому, разве что затем, чтобы подвергнуть врага еще большему мучению. Когда они идут воевать, то берут своих женщин с собой не потому, что те могут сражаться, а потому, что они несут снаряжение, ибо женщины переносят на спине на расстояние 3040 лиг груз, который ни один мужчина не станет нести».

Веспуччи предупреждал своих читателей: не стоит недооценивать коренные народы Нового Света лишь потому, что «в своих беседах они кажутся очень простыми». В действительности они «очень хитры и коварны в том, что их касается. Они говорят немного и очень низким голосом. Они пользуются такой же артикуляцией, как и мы, и произносят слова с участием нёба, зубов или же губ». Кроме того, у них «имеется много разных языков, ибо через каждые сто лиг мы находили изменения в языке, так что речь одного племени непонятна другому».

По крайней мере одно их изобретение очаровало его: «Спят они в больших гамаках, сделанных из хлопка и подвешенных в воздухе. Хотя их манера спать кажется довольно-таки неудобной, мне думается, что спать в этих сетках довольно приятно, и мы спали в них гораздо лучше, чем завернувшись в одеяла». Гамак – веревочная сетка, подвешенная

за два конца, – был распространен у туземцев повсеместно и быстро прижился среди европейцев, которые приспособили их для своих кораблей. В одной крепкой хижине, крытой пальмовыми листьями, могло проживать до «шестисот душ». В деревне всего с 13 хижинами обитало несколько тысяч жителей.

Их представления о ценности и собственности также сильно отличались от европейских. «Богатства, которыми мы наслаждаемся в Европе и где-либо еще, – золото, драгоценные камни, жемчуг и многие другие – для них не имеют никакого значения. И хотя все эти богатства имеются у них в их землях, они не прилагают никаких усилий, чтобы овладеть ими, и не ценят их». Вместо этого они ценили «разноцветные птичьи перья», «бусы из рыбьих костей», а также «белые и зеленые камешки», которые вставляли в свои щеки, губы и уши. Они очень щедры «и чрезвычайно редко когда в чем-нибудь вам отказывают, но не стесняются попросить что-либо у вас, если чувствуют, что между вами и ими установились дружеские взаимоотношения».

Один их обычай привел европейцев в ужас. «Они поедают всех врагов, которых убивают или берут в плен, женщины наряду с мужчинами, с такой свирепостью, что даже говорить об этом кажется ужасным».

При всем этом Веспуччи был работоторговцем. Он хвастал, что 15 октября 1498 года его корабли вернулись в Кадис (Испания) с 222 рабами, где они «были хорошо встречены и про-

дали наших рабов».

Слава Веспуччи со временем померкла бы, если бы не одна причуда судьбы. Новый Свет могли назвать Колумбией в честь самого прославленного и печально известного исследователя этого континента (к тому же считавшего, что он приплыл в Индию). Но в 1507 г., через год после смерти Христофора Колумба, немецкий картограф Мартин Вальдземюллер выпустил огромную карту мира, в которой назвал недавно открытый континент Америкой, образовав это женское имя от латинского имени Веспуччи – Америго. Почитатели Колумба протестовали, но Вальдземюллер настаивал: «Не постигаю, по какой причине кто-либо может запретить ей называться... Америкой в честь ее первооткрывателя Америкуса [Веспуччи], личности весьма выдающейся – ведь и Европа, и Азия носят женские имена». Название прижилось.

Необъявленная война Дрейка против короля Испании Филиппа II в какой-то момент привлекла внимание Елизаветы. Не желая восстанавливать против себя грозную Испанскую империю (что могло бы ослабить ее положение как за рубежом, так и внутри страны, лишив поддержки английских католиков), королева решила прибегнуть к помощи пиратов, таких как Дрейк, действующих в равной мере в собственных интересах и от имени короны.

«Дрейк! – воскликнула Ее Величество. – Я была бы без-

мерно счастлива, если бы кто-нибудь сумел отомстить королю Испании за все обиды, которые он мне нанес». Впрочем, сказать это было гораздо легче, чем сделать. Испания, вне всякого сомнения, была самым могущественным государством Европы, и ее влияние усиливала католическая церковь. Англия была протестантской (на самом деле наполовину протестантской) страной-выскочкой без важных связей, явно не идущей ни в какое сравнение с блистательной Испанией. Именно Испания, а не Англия, в то время правила морями. Чтобы бросить вызов испанскому господству, требовалась тщательно продуманная стратегия вкупе с дерзостью и бесстрашием. Для этого нужен был капитан, не избегающий столкновений, а наоборот, ищущий их. Дрейк соответствовал этим требованиям и даже превосходил их. Вера и верность для него были вопросом жизни и смерти. Его вели два главных инстинкта – стремление отомстить Испании и необузданная жажда золота.

Ободренный поддержкой, Дрейк разработал план нападения на испанские владения на Тихоокеанском побережье Панамы «посредством Магелланова пролива». Елизавета вложила в предприятие тысячу крон (250 фунтов). Все это необходимо было держать в секрете. «Ее Величество поклялась своей короной, что если хоть кто-нибудь в ее владениях проболтается об этом королю Испании, – вспоминал Дрейк, – им не сносить головы».

Испания имела преимущество в виде размеров и богат-

ства, но у Англии был Фрэнсис Дрейк. Из всех английских мореплавателей только Дрейк обладал необузданной отвагой и навыками, способными дать Елизавете глобальное влияние, к которому стремилась она и ее советники. Его никогда не удовлетворяло достигнутое – он всегда стремился к большему, что превосходно отражают начальные строки однажды написанной им молитвы: «Востревожь нас, Господи, всякий раз, когда мы станем слишком довольны собой, когда наши мечты сбудутся, потому что мы мечтали о малом, когда мы благополучно достигнем цели, потому что держались слишком близко к берегу». Никто не мог бы обвинить Дрейка в том, что он жметя к берегу – он предпочитал уходить далеко в море, преодолевать огромные расстояния, нестись по воле ветра вперед и отчаянно бороться с ним, когда требовали обстоятельства.

Государство Елизаветы было бедным и изолированным по сравнению с великой Испанской империей – не блистательный Камелот артуровских легенд, а скорее двор короля Хротгара из «Беовульфа». Многие были уверены, что Испания во главе с методичным Филиппом II вскоре вторгнется в Англию, заменит протестантскую королеву (уже отлученную папой от церкви) подходящим католическим монархом и вернет страну в объятия Ватикана. Англия была наполовину католической, и многие ее жители приветствовали бы такое развитие событий. Но импровизированная стратегия Елизаветы и дерзость Дрейка воспрепятствовали этому

весьма вероятному исходу и направили Англию, остальную Европу и, в конечном итоге, большую часть мира по другому пути. Именно тогда Англия, почти незаметная в тени Испании и Португалии, стряхнула с себя власть католичества, а Дрейк стал катализатором великого превращения Англии из островного государства в Британскую империю.

Все, чего Дрейк добился своими плаваниями и особенно пиратскими набегами, он делал во имя Елизаветы, и благодаря ее щедрости получал от этого немалую выгоду. Пиратство открывало для него надежный путь к богатству и статусу – как старший сын священника он вряд ли мог получить подобное состояние каким-то иным путем. Имя Елизаветы никогда не прославляли в Англии больше, чем в годы плаваний Дрейка. Возможно, он мечтал о близости с ней, как многие другие мужчины, запутавшиеся в сетях ее обаяния. Чем дальше он уплывал вокруг света, тем глубже он проникал в ее сердце – во всяком случае, он на это надеялся. Его ждало долгое и невероятное путешествие.

Фрэнсис Дрейк родился в Девоншире в 1541 г. в семье Эдмунда Дрейка (1518–1585), фермера, ставшего священником на королевской верфи в соседнем Чатеме, и его жены Мэри Милуэй. В Девоне было достаточно Дрейков, и его отец просил знатного Фрэнсиса Рассела стать крестным младенца, но безуспешно. Фрэнсис Дрейк провел юность в неизвестности, возможно, из-за того, что его отец оказался втя-

нут в религиозные споры. Уильям Кемден, британский историк и современник Дрейка, писал: «Когда он был еще ребенком, его отец, принявший протестантскую доктрину, попал под действие Закона о шести статьях, изданного королем Генрихом VIII против протестантов, и бежал со своей земли в Кент. После смерти короля Генриха он получил место корабельного священника королевского флота, где читал молитвы матросам, а вскоре после этого был рукоположен в дьяконы и назначен викарием [то есть приходским священником] церкви в Апноре».

Отец Дрейка был слишком беден, чтобы оставить сына дома, и это обстоятельство сыграло в жизни Фрэнсиса ключевую роль. «По причине своей бедности он отдал сына в ученики своему соседу капитану барка [корабля по крайней мере с тремя мачтами], и тот посвятил его во все свои дела, брал его с собой в плавания туда и обратно вдоль берега, а иногда перевозить товары в Зеландию [Данию] и Францию. Юноша... так понравился старику своим трудолюбием, что тот, будучи холост и бездетен, после смерти отписал ему свой барк по завещанию».

Испытывая нужду в деньгах, молодой Фрэнсис ступил на путь работоторговли под покровительством своего кузена Джона Хокинса, видного представителя этой бурно развивавшейся в Англии отрасли. В 1562 г. они на трех кораблях отплыли из Плимута, похитили в Гвинее четыре сотни аф-

риканцев и продали их в Вест-Индию. Многие пленные погибли в пути. Но по бездушным меркам работорговли путешествие могло считаться коммерчески успешным. В следующие пять лет Дрейк и Хокинс совершили еще три путешествия в Гвинею, где захватили и обратили в рабство еще 1200 африканцев.

Летом 1568 г. Дрейк, которому было всего 27 лет, по-прежнему плывал с флотилией Хокинса. Тогда он вел уже восемь кораблей, которые направлялись с грузом из 57 рабов, награбленного серебра и драгоценностей в Англию, где надеялись получить скромную прибыль. 12 августа разразился шторм – одиннадцать дней он трепал корабли и в конце концов рассеял их. После нескольких недель скитаний по морю Хокинс и Дрейк наткнулись на испанское судно, команда которого рассказала им о гавани у форта Сан-Хуан-де-Улуа. В этом форте недалеко от Веракруса в Мексике всем управляли испанские чиновники, нередко подвергавшие подозреваемых пыткам в церковных подземельях. Худшие опасения Дрейка по поводу католицизма подтверждались, и он решил держаться настороже. Когда Хокинс и другие английские капитаны подвели свои потрепанные суда к гавани, на них напал большой мексиканский флот. Спасти смог только корабль Дрейка «Юдифь» – что особенно примечательно, поскольку у него не было пушек.

Четыре изнурительных месяца Дрейк вел «Юдифь» через Атлантику и прибыл в Плимут 20 января 1569 г. Еще через

две недели домой вернулся потрепанный Хокинс, проклиная свой неудачи, испанцев и Дрейка, которого он объявил дезертиром. Это обвинение дошло до самых верхов, и королева Елизавета на несколько недель посадила Дрейка в тюрьму, чтобы умиротворить Хокинса и поддержать видимость того, что она не потакает пиратству. Дрейк вышел из заточения в ярости, но он злился не на королеву, чье молчаливое одобрение было ему необходимо, и даже не на Хокинса, а на испанцев. И он имел для этого все основания. Дрейк узнал, что его кузен Роберт Баррет был арестован в Мексике инквизицией, хотя местный губернатор дон Мартин Энрикес ранее дал слово, что английские искатели приключений будут в безопасности. Но затем губернатор решил, что, когда дело касается еретиков, держать слово необязательно. Он арестовал нескольких человек и бросил их в темницу. Часть из них под пытками заставили отказаться от своей веры.

Баррета ждала еще худшая участь. Его сожгли на костре. Дрейк не забыл и не простил этого чудовищного злодеяния. С того времени он глубоко презирал испанскую тиранию и вел единоличный крестовый поход против этого ползучего зла. Он своими глазами увидел, как выглядит всемирная империя испанцев, основанная на пытках и эксплуатации местных племен, и отшатнулся в отвращении. Он отказался от работорговли и поклялся, что будет искать способ отомстить (а также приобрести состояние), преследуя тех, кто торгует человеческими жизнями. Неутомимый и хитрый пират,

Дрейк жил своим умом, совершал дерзкие набеги на испанские форты и брал испанцев в плен, но никого не убивал. Он говорил им, что просто «понемногу возвращает себе то, что ему причитается» за то унижение, свидетелем которого он стал в Сан-Хуан-де-Улуа.

Единственная попытка совершить кругосветное путешествие окончилась трагедией 55 лет назад. В 1518 г. португальский мореплаватель Фернан Магеллан после неоднократных безуспешных попыток заручиться поддержкой собственного короля Мануэля I смог найти поддержку своих замыслов у Карла V, короля конкурирующей Испании. Магеллан возглавил флотилию из пяти небольших судов с командой из 258 моряков из разных стран – многие из них решились рискнуть и отправиться в море, чтобы избежать тюрьмы на родине. В те времена, когда многие всерьез считали, что корабль может доплыть до края света и сорваться оттуда вниз, Магеллан планировал уплыть за горизонт к далеким Молуккским островам. Там в изобилии росли мускатный орех, корица и гвоздика, считавшиеся самыми ценными культурами в мире – они ценились даже выше золота. Раньше европейские торговцы, хотевшие попасть на Острова пряностей, отправлялись не на запад, а на восток, и двигались по суше и по морю, пока не достигали своей цели. Путешествие к дальнему краю земли и обратно могло длиться семь лет и даже больше, и далеко не все торговцы выдержи-

вали его тяготы. При этом пряности, которые они привозили с собой в Европу, по пути успевали выдохнуться. Магеллан надеялся, что, отправившись в противоположном направлении, морским путем на запад, он сможет совершить это путешествие за год или даже меньше и доставит обратно пряности, еще не утратившие свежесть и остроту. Но это было лишь предположение – раньше совершить подобное еще никому не удавалось.

В ходе путешествия Магеллан, имевший в своем распоряжении только комплект безнадежно неточных карт, полагался на собственную интуицию лоцмана. Это позволило ему пройти из Севильи через Атлантику к побережью Бразилии, по пути уходя от португальских кораблей, сражаясь с бурями и подавляя жестокие мятежи.

После нескольких неудачных попыток Магеллан обнаружил полулегендарный проход недалеко от южной оконечности Южной Америки. К тому времени он потерял два корабля. Три оставшихся корабля двинулись в обнаруженный проход без карт. Через 38 дней Магеллан увидел Тихий океан и заплакал от радости. Но его радость длилась недолго. Перед ним лежал самый большой водный массив планеты, о котором в Европе почти ничего не знали. На этом этапе путешествия его уменьшившийся флот снова пережил несколько штормов и подвергся нападениям местных воинов, покорявших океан на высокоманевренных парусных лодках-проа. Запертые на кораблях люди Магеллана были вынуждены пи-

таться изъеденными червями сухарями и выпрыгивавшими на палубу летучими рыбами. Моряки один за другим гибли от цинги. Магеллан и другие офицеры смогли избежать этой участи по чистой случайности: в офицерском рационе присутствовал джем из айвы, терпкого фрукта, богатого витамином С. Они не понимали, как и почему это происходит, но те, кто получал джем из айвы, не болели цингой.

6 марта 1521 г. флот достиг острова Гуам площадью чуть более 200 квадратных миль, едва возвышающегося над поверхностью океана – это был первый клочок суши, который они увидели за прошедшие 99 дней. Еще через 10 дней флот Магеллана достиг территорий, которые сейчас называются Филиппинскими островами, всего в 400 милях от изначальной цели – Молуккских островов. Они преодолели три четверти своего кругосветного маршрута. На Филиппинах Магеллан вступил в конфронтацию с воинственным местным вождем Лапу-Лапу. Чувствуя себя в полной безопасности, вооруженные западным огнестрельным оружием, щитами и шпагами, Магеллан и 18 верных людей вышли на бой против нескольких сотен воинов под командованием Лапу-Лапу, которые ворвались в гавань, размахивая закаленными на огне клинками. Магеллан в своем блестящем шлеме немедленно привлек внимание островитян – охваченные гневом, они зарубили его.

После трагической гибели Магеллана «Виктория» с гру-

зом драгоценных пряностей продолжила путь на запад. Командование взял на себя Хуан Себастьян Элькано, баскский мореплаватель, который провел корабль через Индийский океан, вокруг мыса Доброй Надежды и, наконец, привел в Севилью 6 сентября 1522 г., спустя три года после начала путешествия. Появление потрепанного корабля вызвало удивление у властей, полагавших, что весь флот давно сгинул где-то в отдаленной части мира. Впрочем, они были не так далеки от истины: из 258 матросов и пяти кораблей, отправившихся в путь, кругосветное плавание завершили только один корабль и 18 изможденных моряков.

В следующие 55 лет история злополучного плавания Магеллана воспринималась скорее как назидательная байка – никто не считал его поход существенным шагом вперед в исследовании мира. Магеллан показал, что кругосветное плавание – безумная затея, способная увлечь лишь одолеваемых гордыней королей и безрассудных капитанов в погоне за ускользающим богатством. Португальский мореплаватель обнаружил, что мир намного больше – и намного опаснее, – чем представляли себе жители Европы.

Так обстояли дела уже более полувека к тому моменту, когда Англия решила бросить вызов католическому и испанскому мировому господству.

Ко времени возвращения «Виктории» в Севилью Англией уже 13 лет правил Генрих VIII. Он был исключительно

суровым правителем – за этот период он отправил на смерть 27 000 человек, то есть около 1 процента населения Англии и Уэльса. В 1517 г. Мартин Лютер опубликовал в Германии свои «95 тезисов» и оказался в эпицентре противоречий, позднее переросших в протестантскую Реформацию. В 1520 г. папа Лев X, насквозь развращенный, но в высшей степени умный человек, издал буллу, в которой осуждал доводы Лютера и объявлял их ересью. Папа дал монаху 120 дней на то, чтобы тот отрекся от своих тезисов, но Лютер отказался, и 3 января 1521 г. папа отлучил его от церкви. Через несколько месяцев, 17 апреля, по-прежнему непокоренный Лютер предстал перед Вормским рейхстагом в Германии и заявил: «На том стою и не могу иначе. Бог да поможет мне». В ответ на это испанский король Карл V, некогда покровительствовавший Магеллану, приказал сжечь сочинения Лютера.

В свою очередь Генрих VIII возмущенно называл Мартина Лютера «ядовитым змеем, пагубной чумой, волком преисподней, заразной душой, омерзительным глашатаем гордыни, клеветы и схизмы». Папа Лев X был готов подписаться под каждым из этих слов. Через несколько лет Лютер бросил еще один вызов римской ортодоксии, женившись на монахине Катерине де Бора, с которой затем произвел на свет пятерых детей. После этого он постепенно отошел от начатой им религиозной революции.

В 1521 г. престарелый Лев X видел в Генрихе VIII борца

за интересы церкви: король написал сочинение под названием «Защита семи таинств» с критикой теологии Лютера, за которое был удостоен титула «короля Англии и Франции, защитника веры и правителя Ирландии». Но напряжение между Англией и Ватиканом постепенно нарастало, и в 1538 г. папа Павел III отлучил Генриха от церкви и лишил его титула защитника веры.

В 1527 г. Генрих, отчаянно нуждавшийся в наследнике престола, пытался уговорить папу аннулировать длившийся 23 года брак Генриха с Катариной Арагонской, которая родила ему дочь. Папа отказался. В 1534 г. Генрих основал англиканскую церковь, позднее давшую ему разрешение на брак с Анной Болейн, к которой он питал давний интерес. До этого Генрих был близок с сестрой Анны Болейн, Марией, но затем отверг ее. Анна, не желая попасть в такую же историю, настояла на том, что сначала они должны сочетаться законным браком. Но согласится ли на это папа?

Свою просьбу к папе Генрих передал через своего влиятельного канцлера, кардинала Вулси. Но тот не смог добиться от папы положительного ответа. Опасаясь гнева Генриха и пытаясь сохранить его расположение, Вулси подарил ему великолепный новый дворец в Хэмптон-Корте. К счастью, Вулси успел умереть до того, как разъяренный Генрих объявил кардинала предателем и подверг унижительному фиктивному суду.

Распаленный страстью к Анне и перспективой наконец за-

получить сына и наследника, Генрих тайно женился на ней с одобрения недавно учрежденной англиканской церкви. Когда Анна забеременела, придворные астрологи в один голос утверждали, что предчувствия короля верны, и во втором браке у него родится сын. Но вместо этого Анна Болейн родила девочку – Елизавету.

Генрих был так разочарован, что не присутствовал на крестинах ребенка и обвинил супругу, посмевавшую родить девочку, в предательстве. Анну Болейн называли ведьмой и «великой блудницей». Генрих был мстительным человеком. Два года спустя он решил обезглавить свою вторую жену. «У меня такая маленькая шея», – жалобно произнесла Анна, складывая руки на обнаженном горле. Опытный палач, доставленный из Кале, убил ее одним ударом тяжелого меча, а она так и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Позднее распространились слухи, будто у Анны Болейн был шестой палец – знак дьявола. В то время в Англии дьявол считался вполне реальной и могущественной сущностью. (На некоторых портретах Анны в районе левого мизинца можно заметить небольшой бугорок, возможно лишний ноготь.) Ее дочь, совсем малышка, была объявлена незаконнорожденной – по некоторым сведениям, Генрих не желал даже видеть маленькую Елизавету. Няне пришлось выпрашивать для девочки самое необходимое, поскольку у нее не было «ни платья, ни киртла, ни нижней юбки, ни какого-либо белья, ни фартуков, ни платков, ни сменных рукавов, ни

башмаков, ни подвязок, ни теплого шарфа, ни шапочки для сна». После того как следующая жена Генриха, Джейн Сеймур, родила принца Эдуарда, Елизавета оказалась исключена из очереди наследования до 1544 г. (а за два года до этого Генрих обезглавил по подозрению в супружеской неверности Кэтрин Говард, свою *пятую* жену).

Несмотря на стесненные обстоятельства, юная Елизавета обучалась латыни и греческому у ученого и писца Роджера Эскама. Позднее ей преподавали ораторское искусство – редкое умение для женщины в ту эпоху.

24 января 1536 г. Генрих повредил ногу на рыцарском турнире в Гринвичском дворце – лошадь сбросила его с седла и упала на него сверху. Он пролежал без сознания два часа. Со временем пострадавшая нога покрылась язвами. Не имея возможности заниматься спортом, он стал болезненно тучным – его вес превышал 135 кг. Постепенно теряя зрение и страдая приступами паранойи, он прожил еще 11 лет. За свою жизнь он успел жениться шесть раз. Он умер 28 января 1547 г. в возрасте 56 лет, оставив после себя резко преобразившийся религиозный и политический ландшафт.

Это были самые мрачные годы для юной Елизаветы. В это время Кэтрин Парр, последняя жена Генриха, вышла замуж за дядю Эдуарда VI, Томаса Сеймура из Садли. Супруги взяли Елизавету в свой дом в Челси. По некоторым сведениям, там Сеймур, которому было почти 40 лет, предавался сексу-

альным забавам с Елизаветой, которой было всего четырнадцать. Он приходил к ней в спальню, одетый только в ночную рубашку, щекотал девушку и шлепал ее по ягодицам. Как ни странно, Кэтрин Парр в этом участвовала. Она тоже щекотала Елизавету и удерживала девушку, пока ее муж разрезал ее платье «на тысячу лоскутов». Но увидев однажды, как Томас тайком обнимает Елизавету, она решила положить конец этим шалостям. В мае 1548 г. она выслала Елизавету из своего дома.

По мнению некоторых исследователей, эти эпизоды оказали судьбоносное воздействие на характер Елизаветы. Жертвы сексуального насилия впоследствии могут проявлять необычный интерес к сексуальной активности или, наоборот, подчеркнуто избегать ее. Иногда они страдают от бессонницы, ночных кошмаров или других симптомов того, что сейчас называют посттравматическим стрессовым расстройством. Елизавета испытывала похожие симптомы на протяжении всей жизни.

После смерти Генриха на престол взошел его юный сын Эдуард. Первого протестантского монарха Англии преследовали изнурительные недуги, и он умер в 1553 г. в возрасте всего пятнадцати лет. Безвременная кончина Эдуарда спровоцировала еще один кризис престолонаследия. Эдуарда ненадолго сменила его кузина, протестантка Джейн Грей, блестяще образованная девушка, которой тоже было только 16 лет. Но пока леди Джейн ожидала коронации, старшая

сестра Эдуарда, католичка Мария, дочь Генриха VIII от его первой жены, сумела добиться того, чтобы Джейн Грей и ее мужа судили и казнили за измену.

Взойдя на трон в 1553 г., Мария задумала вернуть Англию и Ирландию в лоно римской католической церкви. За пять лет своего ужасного правления Мария приказала сжечь на костре 280 инакомыслящих. Протестанты называли ее Кровавой Мэри. Она с удовольствием примеряла на себя роль ангела-мстителя, однако опасалась, что ее младшая кровная сестра Елизавета может поднять протестантское восстание. Чтобы помешать этому, Мария заточила Елизавету в лондонский Тауэр – средневековую крепость и тюрьму на северном берегу Темзы.

Решительно вознамерившись не позволить Елизавете стать ее преемницей, Мария вышла замуж за принца Филиппа II Испанского и надеялась родить наследника. В сентябре 1554 г. она начала набирать вес, у нее прекратились менструации и появилась тошнота. Казалось, ждать наследника оставалось недолго. Сомневался только Филипп. Елизавету, томившуюся под домашним арестом, вызвали, чтобы она своими глазами увидела рождение преемника Марии. Но оказалось, что у Марии была ложная беременность. Она сочла это Божьей карой за то, что она слишком долго «терпела еретиков» в своем королевстве. После очередной ложной беременности она умерла 17 ноября 1558 г., возможно от рака яичников.

Несмотря на все ухищрения Марии, вторая дочь Генриха УШ Елизавета Тюдор в возрасте 25 лет стала протестантской королевой. Власть упала в ее слабые руки, и мало кто тогда догадывался, какое величие ей уготовано. Она же тем временем делала все возможное, чтобы примирить противоречивые требования протестантов и католиков.

В то же время в Испании старый порядок уступил место новому. Самый могущественный человек в Европе, император Священной Римской империи Карл У заболел, впал в депрессию и удалился в монастырь Юсте в Эстремадуре, где среди пасторальных пейзажей размышлял о бренности бытия. Страдая от изнурительной подагры, он отрекся от престола в 1556 г. в пользу своего сына Филиппа II. По некоторым сведениям, в марте 1558 г. Карл инсценировал собственные похороны. Во время церемонии он лежал в гробу, а скорбящие с неподдельным чувством оплакивали его, словно на настоящих похоронах. Когда мнимая заупокойная служба окончилась, Карл поднялся из гроба и удалился в свои покои. Там он умер уже по-настоящему 21 сентября.

Филипп II, или Фелипе эль Пруденте (Благоразумный), пришел к власти на пике *Siglo de Oro Espanol*, золотого века Испании. До того как Великобританию называли империей, над которой никогда не заходит солнце, титул *el imperio donde nunca se pone el sol* по праву принадлежал Испании. На пике развития эта империя включала в себя большую часть

Центральной и Южной Америки, в том числе Аргентину, Боливию, Колумбию, Мексику, Парагвай, Уругвай и Венесуэлу, а также обширные территории в Африке. Все это, особенно золото из Центральной и Южной Америки, служило источником баснословного богатства Испании.

В тот период творили художники Диего Веласкес и Эль Греко. Томас Луис де Виктория, Кристобаль де Моралес, Франсиско Герреро, Луис де Милан и Алонсо Лобо создавали музыку испанского Возрождения. Расцвет не ограничился изобразительным искусством и музыкой – процветала испанская литература. Мигель де Сервантес, родившийся к северу от Мадрида, написал «Дон Кихота». А знаменитый испанский драматург Лопе де Вега создал тысячу пьес, изобилующих стилистическими новшествами. Он был настолько плодовит, что Сервантес называл его *Monstruo de la Naturaleza*, Чудом (или чудовищем) Природы.

В свои сорок с небольшим лет Филипп II решил подчинить себе протестантскую Англию. Он приказал герцогу Альбе вторгнуться в островное государство, взяв для этого армию численностью всего в 6000 человек. Герцог, лучший полководец Испании, считал, что эта затея – чистое безумие, но Филипп заявил, что Бог своей волей дарует Испании победу. Филипп считал, что Елизавета правит в Англии посредством тирании, а «истинной и законной наследницей» английского престола должна стать Мария Стюарт, католичка и королева Шотландии. Но Мария была и неудачлива, и

неразумна. Единственное дитя короля Шотландии Якова V, она наследовала ему после его смерти, когда ей было всего шесть дней от роду. Она трижды выходила замуж – в первый раз за французского короля Франциска в возрасте пятнадцати лет. В 1566 г. от лорда Дарнли у нее родился один ребенок, который позже стал Яковом VI Шотландским (и Яковом I Английским). Опрометчивые брачные союзы Марии позволили Елизавете, свободной от подобных затруднений, держать соперницу на расстоянии. На время, пока они выясняли отношения, Филипп отложил неизбежную конфронтацию между двумя государствами. Однако Испания и Англия продолжали опосредованно воевать друг с другом чужими руками на континенте и в Южной Америке. Годы шли, Испанская империя, оставаясь сказочно богатой, постепенно погружалась в стагнацию. Филипп правил не как монарх, а скорее как осторожный наблюдатель. Бледный и меланхоличный, он проводил свои дни в уединении маленького кабинета за массивными стенами монастыря Эль-Эскориал, принимая решения – или чаще откладывая их – в соответствии с письменными рекомендациями своих министров.

Тем временем святая инквизиция, призванная бороться с ересью, успешно лишила Испанию ряда наиболее образованных и состоятельных граждан. В последний раз нечто подобное происходило в XII в., когда влиятельный папа Иннокентий III провозгласил: «Всякого, кто пытается на свой лад толковать о Боге, противореча догматам церкви, следует без

всякой жалости предавать огню». Инквизиционные процессы, особенно аутодафе, представляли собой безжалостную пародию на настоящие судебные разбирательства и отличались расчетливой жестокостью, снискавшей Испании дурную славу в Европе и позднее в Южной Америке. Аутодафе должно было внушать страх, и оно отлично справлялось с поставленной целью.

Церемония обычно начиналась с шествия монахов в сопровождении чиновников, за которыми следовали те, кто был приговорен к публичному покаянию или, что еще хуже, к сожжению на костре. Действо начиналось на рассвете и продолжалось в течение всего дня – воздух постепенно наполнялся зловонием горячей плоти и криками истязаемых.

Заклученные, которых приговорили к костру, шли с зелеными свечами и в колпаках с нарисованными языками пламени, с веревкой или петлей на шее. Многие были одеты в наводящие ужас санбенито – полотняные рубахи, украшенные изображениями пламени или чертей, несущих еретиков в ад.

К смерти приговаривали не всех. Некоторые кающиеся, одетые в желтые накидки с двумя красными полосами в виде креста святого Андрея, преклоняли колени, читали наизусть катехизис и в ответ на каждую строчку Символа веры говорили: «Да, верую». Затем их ожидали разные виды покаяния – в числе прочего их могли отправить солдатами на отдаленные заставы или гребцами на галеры, что было почти

равносильно смертному приговору. Осужденные за ересь, но оставшиеся в живых не могли занимать должности, а также заниматься ремеслом врача, аптекаря, хирурга, торговца, адвоката и даже бакалейщика. На них распространялись суровые законы о роскоши, им запрещалось носить серебро, золото, жемчуг и драгоценные камни, шелк и другие роскошные ткани. Им запрещалось ездить верхом и носить оружие. Запреты распространялись на второе и даже третье поколение – внуки этих людей, возможно еще даже не родившиеся, несли на себе то же клеймо иррациональной жестокости, что и их предки.

В Мексике, где инквизиция действовала особенно активно, эта гротескная практика распространялась и на английских моряков – «лютеран» и протестантских еретиков, которых испанцы презирали. В 1569 г. кузен Дрейка Джон Хокинс чудом спасся от солдат инквизиции в Веракрусе. Если бы он попал в плен, Англия сыграла бы в эпоху Великих географических открытий гораздо менее заметную роль.

Другим не так повезло, как Хокинсу. Группа английских моряков прожила в этом регионе шесть лет в относительном покое, пока инквизиция, обосновавшаяся в Мексике в 1571 г., не настигла их, не арестовала и не перевезла в Мехико, где они подверглись аутодафе в Страстную пятницу 1575 г. Один из выживших, Майлз Филипс, вернулся в Англию, где рассказал о мучениях, которые пережили он и его соотечественники. Всех их пытали на дыбе и заставляли от-

речься от протестантских убеждений. Но на этом их страдания не закончились. Инквизиция воздвигла эшафот «посреди рыночной площади в Мехико, прямо напротив главной церкви». В день казни еретиков одели в желтые санбенито с красными крестами и оставили ждать своей участи. Зажгли костры; воздух наполнился дымом и первобытным ожиданием бойни. Затем огласили приговоры. Часть английских пленников приговорили к многолетнему служению в испанских монастырях и постоянному ношению унижительных санбенито, а других «сожгли дотла» на том же месте.

68 выживших, в том числе Филипп, «в ту ночь были доставлены обратно в тюрьму». В Страстную пятницу 1575 г. пленников выпороли плетью, затем усадили на лошадей, «обнажив по пояс», чтобы «весь народ мог поглазеть на них, когда их вели по главным улицам города», выставив напоказ рубцы от ударов плетью, которые «самым жестоким образом наносили по их обнаженным телам длинными кнутами разные люди, назначенные палачами». По дороге 300 глашатаев объявляли: «Посмотрите-ка на этих английских собак – это лютеране, враги Господа!» Некоторые английские пленники – Джон Грей, Джон Браун, Джон Райдер, Джон Мун, Джеймс Колльер и Томас Браун – получили по 200 ударов плетью и были приговорены к восьми годам службы на испанских галерах. «А потом вызвали меня, Майлза Филиппа, и приговорили пять лет служить в монастыре и все время носить дурацкий кафтан, называемый санбенито». Филиппу

повезло – он остался в живых, хотя это испытание нанесло ему глубокую психологическую травму.

Точно такая же участь постоянно угрожала Дрейку и всем остальным «лютеранам», отважившимся проникнуть в Центральную Америку или на другие территории, контролируемые Испанией. Только самые смелые и безрассудные не боялись попасть в капкан инквизиции.

В отличие от могущественной и набожной Испанской империи, Англия представляла собой всего лишь остров, запутавшийся в долгах и медленно погружающийся в нищету. В январе 1558 г. Франция вторглась в единственное территориальное владение Англии на материке, портовый город Кале, некогда бывший «самой яркой драгоценностью в английской короне», и вернула его себе. Без этой маленькой колонии древнее королевство оказалось еще более изолированным, чем раньше. Живущие в нужде английские подданные не могли договориться между собой в важных религиозных вопросах. Слабая экономика зависела в основном от экспорта шерсти, доходы от которого не могли поправить ужасные внутриэкономические условия. Отчаянные могильные воры раскапывали погребальные курганы в поисках зарытых сокровищ. Голод заставлял людей питаться желудями, слегка смоченной в молоке травой, опилками и кровью животных. По словам одного путешественника, голодающие люди напоминали «ходячие скелеты».

Казалось маловероятным, что Англия вскоре сможет обратить вспять свое движение по наклонной, однако при дворе Елизаветы I и во всей стране были люди, рисовавшие в помыслах славное и процветающее будущее нации, ключ к которому лежал за океанами.

2

Королева и мистик

В 1570 г. Роберт Дадли и Кристофер Хаттон, двое наперсников Елизаветы при дворе, поручили Джону Ди, математику и мистика, получившему образование в Кембридже, составить отчет о политическом, экономическом и социальном состоянии дел внутри государства. Джон Ди – человек, которого Елизавета называла «мой философ», – стал прототипом Просперо в пьесе Шекспира «Буря». Он был одним из родоначальников британской разведки. Для особой таинственности свои письма к Елизавете он подписывал парой букв «О», что обозначало пару бдительных глаз, и цифрой 7 (семь считалось счастливым числом). По некоторым сведениям, именно это сочетание (007) подсказало Яну Флемингу, бывшему офицеру британской разведки и автору шпионских романов, кодовый номер Джеймса Бонда. Абсолютная верность короле и рыцарское презрение к опасности, ставшие отличительными чертами Джеймса Бонда, явно были хорошо знакомы и Дрейку. Что касается Елизаветы, она вообще питала склонность к тайным кодам и шифрам и давала своим ближайшим соратникам иносказательные прозвища: Дрейка она называла «Вода», а Ди – «Глаза».

В молодости в поисках более глубоких и сложных знаний Ди отправился в Лёвен в Бельгии, где познакомился с пере-

довыми учеными, в том числе с выдающимся картографом Герардом Меркатором, который уже учитывал в своих работах открытия Колумба. Эдемский сад и Вавилонская башня больше не фигурировали на картах мира как реально существующие, хотя и неизвестно где расположенные объекты. На картах Меркатор точно передавал расположение реальных географических объектов. Ди и тридцатилетний Меркатор сблизились: «Таков был обычай нашей взаимной дружбы и приязни, что в течение целых трех лет ни один из нас добровольно не соглашался отказаться от общества другого более чем на три дня».

К этому времени Ди успел ответить отказом нескольким королям, предлагавшим ему покровительство. Он вернулся в Англию, постепенно приходившую в себя после сурового правления Генриха VIII, и занял видное место при дворе юного Эдуарда VI. В свои молодые годы он получал щедрую пенсию, обучал дворянских сыновей и прославился как «большой знаток астрономии». Но затем удача отвернулась от него – 28 мая 1555 г., в правление королевы Марии, Ди арестовали, а его книги изъяли в качестве улики. (До воцарения Елизаветы оставалось еще три года.) Ди когда-то был на аудиенции у Елизаветы и мог, по мнению властей, состоять в тайной группировке, поддерживающей ее притязания на престол. Однако его главное преступление заключалось в занятиях математикой – «подсчеты и вычисления» в то время считались разновидностью колдовства. Он был допрошен

и сумел сохранить жизнь, но лишился средств к существованию и попал под подозрение в ереси. Со смертью Марии и воцарением Елизаветы положение Ди резко изменилось. Елизавета по-прежнему прислушивалась к нему, а он, будучи горячим поклонником астрологии, составил для ее царствования гороскоп и указал наиболее благоприятную дату для коронации – 15 января 1559 г.

Вскоре после этого знаменательного события Ди отбыл за границу. Он погрузился в изучение каббалы, которая в то время интересовала многих – полагали, что иврит в зашифрованном виде заключает в себе все тайны мироздания. Эти исследования привели Ди к более глубокому знакомству с нумерологией и еще одной областью эзотерики – разговорам с ангелами. Ди считал, что эти знания помогут ему преодолеть религиозные ограничения и познать универсальный язык творения. Он не забывал сообщать Елизавете о том, как продвигается его работа. По возвращении в Англию он дважды удостоился аудиенции у королевы, сразу после смерти своей второй жены и снова после смерти матери. Позднее королева регулярно вызывала его ко двору, чтобы посоветоваться по личным вопросам, в том числе о своих матримониальных планах.

В свободное от придворных поездок время Ди жил со своей третьей женой в скромном доме своей матери в Мортлейке, милой деревушке на южном берегу Темзы, примерно в восьми милях от Лондона. Там же он купил еще несколь-

ко домов, в одном из которых разместились одна из крупнейших в то время библиотек в Европе. В ней были собраны произведения, посвященные магии, математике, зоологии, заключению брака, приливам, погоде и множеству других более или менее эзотерических предметов. Среди прочего на полках стояли труды Коперника, Птолемея и Боэция. Всего библиотека насчитывала 2670 текстов – для сравнения, в Кембридже тогда хранилось около 450 манускриптов, а в Оксфорде – 379.

Помимо этого Ди познакомил Англию с важными математическими символами – знаками сложения, вычитания и деления. Вместе с тем он все больше погружался в мистику. В 1581 г. Ди уверился, что может общаться с ангелами с помощью особого обсидианового зеркала для вызова духов – блестящего черного предмета, размером и формой похожего на женское карманное зеркальце. Сам Ди не мог видеть духов (что для такого увлеченного мистика, как он, оставалось источником вечного разочарования), поэтому ему приходилось прибегать к помощи профессиональных провидцев и медиумов. Они всматривались в зеркало вместо него в надежде уловить какие-нибудь видения или сообщения из великого запределья.

Однако Ди занимался и более рациональной деятельностью. В 1570 г. он составил *Brytannica Republican Synopsis* – «Краткий обзор Британской республики», в котором утверждал, что только благодаря морскому превосходству Англия

сможет колонизировать недавно открытые земли, освоить их ресурсы и создать империю. Он отдельно указал на препятствовавшие успеху Англии экономические проблемы, в том числе безработицу. Излагая свое видение, он впервые использовал понятие «Британская империя». Смелый план Ди бросал вызов испанской и португальской гегемонии в Новом Свете, но Елизавета I понимала: если она даст этому проекту официальное благословение, это наверняка спровоцирует короля Филиппа II, чего в то время она не могла себе позволить.

Восполнить хронические недостатки английской экономики Ди предлагал за счет зарытых сокровищ. Многие в Англии в те дни закапывали свои богатства в землю – это был лучший способ обезопасить драгоценные камни и монеты. Ди обратил внимание на эту практику, когда его стали просить отыскать закопанные клады с помощью его необычных способностей. Однако это было незаконно и к тому же могло навлечь на него обвинение в колдовстве. Осужденным за подобные преступления в первый раз назначали год тюрьмы, а во второй – смертную казнь. Поэтому Ди отвечал на подобные просьбы отказом. Впрочем, идея обогащения за счет чужих сокровищ все равно пользовалась большой популярностью среди придворных королевы, продолжавших активно искать новые источники богатства за пределами Англии.

Долгое время Ди не только пропагандировал развитие науки, но и общался с духами усопших. Королева занимала

важное место в системе его пророчеств. В конце ноября 1577 г. он посетил Елизавету в Виндзорском замке; Дрейк в это время только отправился из Плимута в свое таинственное путешествие. Ди встретился с королевой Елизаветой 25 ноября. Надо заметить, это был довольно напряженный момент.

Примерно в это время в небе над Европой появилась Большая комета 1577 г., и философы и прорицатели наперебой принялись предсказывать человечеству катаклизмы и гибель. Но Елизавета I, по словам Генри Говарда, графа Нортгемптона, лично присутствовавшего при аудиенции, истолковала ее появление иначе. «Вот женщина и королева, принадлежащая как раз к тому роду и состоянию, коему (если правду говорят астрологи) кометы обыкновенно приносят самый большой вред. А между тем она не только не поддавалась всеобщим страхам, но и высмеяла всеобщую глупость», – писал он. Королева верила в Бога, а не в суеверия о кометах.

Под влиянием Елизаветы Ди постепенно начал высказывать революционные идеи о необходимости бросить вызов Испанской империи. Ее экспансия опиралась на поддержку папы Александра VI и Тордесильясский договор, согласно которому Испания и Португалия поделили между собой весь известный и неизвестный мир. 7 июня 1494 г. эти две державы договорились провести к западу от Кабо-Верде условную демаркационную линию, идущую по вертикали с севера на

юг и опоясывающую весь земной шар (это произошло еще до того, как европейцы узнали, что лежит по ту сторону Американского континента). По условиям договора, подписанного в городе Тордесильяс на северо-западе Испании, все земли к востоку от этой воображаемой линии принадлежали Португалии, а все земли к западу – королевству Кастилия. Позднее в 1529 г. они заключили Сарагосский договор, аналогичным образом поделивший между ними противоположную сторону света. Оба договора подразумевали, что последнее слово в этом вопросе остается за католической церковью, и чередой пап подтверждала существующую договоренность своим благословением. Протестантские страны, такие как Англия, официально игнорировали договор. Однако кораблям, заходившим в регионы, принадлежавшие к сфере влияния Испании или Португалии, следовало проявлять осторожность. Какое-то время поразительное количество государств соглашалось с этим самоуправным порядком.

Со временем договор возымел противоположный ожидаемому эффект. Вместо того чтобы удерживать Испанию и Португалию на расстоянии друг от друга, он спровоцировал борьбу между ними за контроль над миром. Все это время Ди недоумевал, почему в этом противостоянии участвуют только эти две державы. Почему из него исключены протестантские государства, такие как Англия? Он обсуждал этот вопрос со своим коллегой и другом Герардом Меркатором, и тот напомнил Ди о вторжении легендарного короля Артура в

537 г. По словам Меркатора, который считал Артура реальной исторической личностью, тысячи участников этого вторжения выжили и оставили потомство. На этом сомнительном основании Ди задумал распространить сферу английского влияния на весь мир.

Ди изложил эту мысль в своем главном, как он считал, произведении под названием «Общие и частные замечания относительно совершенного искусства навигации» – мистическом четырехтомном сочинении, в котором развивал мощную новую концепцию «Британской империи». Титульный лист украшало изображение Елизаветы за штурвалом корабля, направляющей свое судно в сторону Госпожи Оказии (благоприятной возможности). В этой глубоко своеобразной работе, датируемой 1577 г., Ди размышлял о необходимости создания военно-морского флота для защиты английских берегов, издавна страдавших от вторжений иноземцев. В то время крохотный флот Англии насчитывал чуть больше 20 судов, в основном старых и ветхих, и не шел ни в какое сравнение с испанским флотом из 200 кораблей. Ди предупреждал: «Франция, Дания, Шотландия, Испания или какая-либо другая страна не должны иметь возможности беспрепятственно вторгаться, устраивать взаимные заговоры и оказывать друг другу помощь с тем, чтобы каким-либо образом нарушить наш благословенный покой». Существенную роль в обороне страны должен был сыграть Ла-Манш. Пролив длиной 560 км сегодня – один из самых оживленных

судоходных путей в мире. Но во времена Елизаветы он оставался безымянным, малоизученным и не вызывал интереса ни у одной державы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.